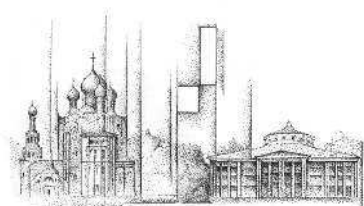
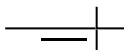

...Исследовать и испытать мудростью
Все, что делается под небом: есть тяжкое
Занятие, которое Бог дал людям, чтобы
они упражнялись в нем...

Екк. 1: 13

ЧАСТЬ 1

СУЕТА

Съемочный день в павильоне подошел к концу, и уставшие за долгую смену осветители уже выключили свои софиты, а у него все не было удовлетворения от проделанной работы. Но что толку дальше мучить людей и технику, если что-то, по-видимому, еще не сложилось с этим эпизодом в голове.

Сегодня снимали в декорациях средневекового замка. Тщательно продуманные и довольно мрачные, они были залиты светом сверху, и от него все устали. Без освещения все погрузилось в полумрак. Вокруг было полно неуклюжих, но необходимых атрибутов съемочного процесса: камер, микрофонов, гигантских осветительных приборов, другой техники, бесконечных змеящихся кабелей. Между дублями все участники съемок носились по площадке, стараясь не споткнуться и что-нибудь не опрокинуть. Это отнимало уйму времени, так как людей было задействовано много: кроме основных актеров, техников, операторов еще и огромная

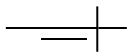
массовка, не отличавшаяся дисциплиной и не имевшая опыта, к тому же наряженная в тяжелые, громоздкие костюмы Средневековья. За смену было отснято почти триста метров пленки — он позволял себе импровизировать. Это будет примерно десять минут экранного времени. «Но будет ли?» — недовольно думал он.

— Все свободны, всем спасибо, — устало сказал наконец Димов и, спотыкаясь, как все в погруженном в сумрак павильоне, направился в зал для просмотра. На съемках он не знал усталости — творческий процесс захватывал настолько, что заменял все на свете, но сейчас ему были необходимы положительные эмоции. И их он искал в удачно отснятом материале.

На экране замелькали кадры, которые смонтировали вчера.

«Тени Нострадамуса» — условное название фильма. Но действительно, пока что только тени, досадовал режиссер, смотря на свое детище.

— Покажите лучше натуру, — попросил Димов. — Прованс, что ли...

Средневековый городок Прованса, утопающий в зелени платанов, судя по архитектуре, знавал и более счастливые времена. Однако и сейчас довольно потертые, но по-прежнему выложенные орнаментом мостовые — разноцветные звезды, полумесяцы, четкие квадраты, расположенные в шахматном

порядке, — выглядели привлекательно. Каждый дом — с внутренним двориком, где бьет фонтан, с красивым белоснежным фасадом, коваными решетками в причудливых узорах и балконами, увитыми виноградом.

В этом райском местечке издавна было три мира: христианский, мусульманский и иудейский. Но на улицах городка все смешалось. Лаяли собаки, шли мулы, резвились мальчишки, нарушали тишину звуки ткацких станков. Чьи они? Какой веры их хозяева? Не все ли равно? Или вон те крестьяне на площади, что разложили свою зелень и фрукты на продажу. Разве будет хуже их виноград, инжир, финики, если узнать, какого они вероисповедания? Так и жили здесь все, похожие в своих заботах друг на друга. И даже одежды носили одинаковые, прованские.

По узкой улочке городка шли двое: уже седоватый мужчина — отец и юноша, которому было немного больше двадцати, — сын. Неспешно двигалась запряженная парой лошадей повозка, которую направлял юноша, держа под уздцы коня.

Камера все наезжала, приближая лица. Звук был живой, из экономии записанный при съемках. И неплохой, удовлетворенно отметил про себя Димов.

— Так ты говоришь, будто действительно предвидел чуму в Монпелье, — спрашивал юношу Исаак. — Но разве Господь не сказал: «Не ваше дело знать время и сроки»? Не случайность ли твое предсказание, Мишель?

— Может быть, конечно, один Бог знает, что такое вечность света, — начал было соглашаться молодой

человек. Однако, подумав, возразил: — Но ведь Бог же и одаряет этим светом избранных, не объясняя его природы.

— Ты считаешь себя избранным Богом? — удивился отец.

— Ну вот, посмотри, — сказал сын, остановившись у украинного двора. — Здесь и сейчас рождается новая жизнь, и будет это мальчик, о котором, может, в будущем заговорит мир.

Во дворе дома и вправду наблюдалось какое-то движение, слышались встревоженные голоса, и вдруг выбежал молодой мужчина и кинулся прямо к ним.

— Умоляю, врача! — волновался он. — Жена оступилась, и начались преждевременные роды! Одолжите свою повозку, наши-то в поле.

— Он уже здесь, — спокойно сказал Мишель. — Я врач, — пояснил он встревоженному мужчине. — Ведите к роженице.

— О Боже, как ты милостив, — пробормотал тот и с радостью повел молодого человека в дом.

Отец устроился во дворе со стариком-хозяином и, пока Мишель помогал новорожденному увидеть свет, пил ароматный чай со свежими прованскими травами. Двор был просторный, с фонтаном, у его прохладной струи на красиво выложенном узорчатом полу стоял стол для чаепития. Вокруг пышно цвели розы, а у забора тянули вверх нежные головки левкой и мальвы. Сидеть здесь, даже на южной стороне, было очень хорошо благодаря огромному платану, могучему дереву, по-видимому, уже старому. Ствол в обхвате имел не

меньше трех метров, и крона накрывала весь двор, давая ясную тень, умеренно профильтрованную светом. И поскольку сиеста составляла важную часть летней жизни Прованса, столь разумно посаженное дерево во дворе было большой удачей. Неспешно беседуя, гость и хозяин вспоминали молодые годы.

— Моя жена долго не могла разродиться, как я ни молил Бога, — рассказывал Исаак, — и тогда, отчаявшись, я дал клятву, что приму христианство, если родится здоровый ребенок.

— Ну и что, приняли? — спросил хозяин дома, перекрестившись на икону, что висела над входом.

— Так вот же мой сын, врач теперь хороший, хоть и молодой еще. Его и родила тогда жена, почти сутки мучилась бедная — крупненький оказался очень. Помог Христос, ему теперь и верим.

В тех краях случаи перехода из одной веры в другую были не редкостью, и выкрестов имелось немало, поэтому такой клятве здесь никто не удивлялся.

Но вот раздался крик младенца — судя по всему, роды закончились успешно, и хозяин, радуясь первому внуку, принес кувшинчик с вином.

— Выпьем, крестный, — радостно сказал он, обращаясь к Исааку. — Теперь так тебя буду звать, ведь не зря же Бог нам послал вас прямо к порогу и в самое время.

— Что же, выпьем по такому случаю, — поддержал его отец Мишеля и, потягивая хорошее вино, принялся философствовать: — Вот жизнь, ну, казалось бы, из ничего берется и ничего не стоит, а ведь ничего нет на свете, что стоило бы жизни...

— Да, — согласился хозяин, — нет такого, что бы можно дать взамен. Хотя и не всегда сладко на белом свете, да только нет ничего лучше радости бытия. Вот наработаюсь так, что ничего уж, казалось бы, не чувствую, а приму стаканчик, и снова хорошо, — откровенничал провансалец. — Воздух, море, хорошее вино — чего же еще желать? А если и дети хорошие, а потом внуки... Нет, жить хорошо...

На пороге дома появился счастливый молодой отец, он гордо нес своего первенца на руках. Следом шел, улыбаясь, Мишель.

А в том, что это был мальчик, Исаак уже и не сомневался. Вот ведь какой дар у его сына, а не только золотые руки врача.

— С матерью все в порядке, вот только отвар сделайте, — сказал Мишель, протягивая рецепт. — Пусть попьет, чтобы инфекции не было да кровотечение не началось.

И когда их повозка, щедро нагруженная дарами счастливых хозяев, тронулась дальше, Исаак не утерпел и все-таки спросил:

— Как же тебе удастся так предвидеть события?

— Не знаю, отец, я ведь особо и не стараюсь, просто, по-видимому, считываю идущую ко мне информацию. А вот кто ее посылает, и сам спросить боюсь...

Отяжелевшая повозка застряла у одного из дворов.

Здесь резник Яков вышел встретить прибывших к нему военных во главе с рыцарем. На ограде висели десятки остро заточенных ножей. Рыцарь в темном плаще спешил и подходил к резнику, за ним следовала свита.

— Оба уйдут в мир иной, — сказал вдруг Мишель, — и рыцарь, и резник. Здесь и сейчас.

Отец испуганно посмотрел на сына. Тем временем действие разыгрывалось, рыцарь обратился к резнику:

— Яков, нам надо зарезать двух баранов, у нас пир. Сделай это.

— Сегодня суббота, — отвечал растерянно резник, — и правоверный еврей не должен работать в этот день.

— Но нам нужно мясо сейчас, а наш мясник болен, сломал руку, и больше это сделать некому, — раздраженно возразил рыцарь. — И притом это же твой хлеб.

— Это невозможно, — сказал Яков уже более твердо, чем еще сильнее рассердил рыцаря.

— Я заставлю тебя поднять нож и в субботу! — вскричал он.

Но резник уже был спокоен и твердил свое. Вскоре он стоял на скамейке с петлей на шее. Рыцарь сунул Якову за пояс нож.

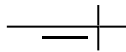
— Считаю до десяти. Перережь веревку, и ты спасен, или сам обречешь себя на смерть!

— Можешь не считать. Если Господу будет угодно, останусь жить, и никакое зло не коснется меня. Правоверный еврей не поднимет нож в субботу.

— Десять! — крикнул рыцарь и ногой вышиб скамью.

Тело резника вздрагивало на дереве. Взбешенный рыцарь, вскочив в седло, тронул поводья, но второпях не попал ногами в стремя, а лошадь, испугавшись

чего-то, уже понеслась и на всем скаку сбросила его прямо в открытый глубокий колодец. Облаченный в тяжелые доспехи, он сразу пошел ко дну и захлебнулся.

Глаза, конечно же глаза, они должны быть белесыми или становиться такими в минуты прозрения. Крупный план и светящиеся белесые глаза, а потом видения, видения, видения...

Ну ладно, надо передохнуть, а то можно самому тронуться от этих видений, решил Димов.

— Феликс, пойдем кофе выпьем, — позвал он второго режиссера. — Пусть пока подготовят вчерашнее. Потом досмотрим.

— Давно пора, а то совсем в горле пересохло, — откликнулся тот со своей галерки.

— Ну скажи, что сегодня за день такой, столько усилий, а в тему попасть не можем, — пожаловался Димов, потягивая кофе. — То ли дело на натуре. Свежий воздух, что ли, помогает?

— Конечно, сравнил тоже — Крым или же павильон, хоть и мосфильмовский, — ухмыльнулся в усы Феликс, с наслаждением затянувшись сигаретой. — Эх, в городе Сочи темные ночи... А девочки там какие! Загорелые, томные, а?..

— Ну, а ты каких сегодня привел? И где только таких доходятг нашел? Ну и массовка, — проворчал Димов.

— Здрасьте, так чуму же снимаем, чуму в Монпелье. Вот они и чумные во всей красе, — обиделся второй режиссер.

— Чумные-то чумные, но ни одного интересного лица, камеру задержать не на ком, — капризно заметил Димов. — Не забывай, это же Южная Франция, Прованс, а там и чумные с шармом были, наверное. Лазурное море, воздух, вино, любовь...

— Она самая морковь и есть, — опять затянулся второй, — только вот чем платить шарманистым-то будем, а? Эти ведь особо не торгуются, лишь бы на съемках потереться. А у тех претензии будь здоров! А денежек-то нема...

— Опять нема! — рассердился Димов. — Казалось, только сто тысяч зеленых банк отвалил, и опять уж нет!

— Опять, и скоро бандюганы за процентами явятся, что делать-то будем, Димыч? — начал сокрушаться Феликс. — Убьют ведь.

— Не падайте духом, поручик, — задумчиво сказал Димов. — Что-нибудь придумаем, не впервой.

— Давно пора бюджет урезать, офис поскромнее нанять и разогнать кое-кого. А то вон в Ялту кого только не возили: и поварих, и педикюрш, не говоря уж про любовь-морковь. Ну а эту старушенцию Раису Кузьминичну, настоящую Шапокляк, зачем, какая сейчас редакция в кино? Не советское время, слава богу. А ведь это хоть и ближе, но зарубежье все же и тоже денег стоит.

— Ну не скажи, Феликс. Раиса Кузьминична не только редактор, она генератор идей, иногда такой поворот

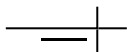
подскажет — закачаешься. Я с ней шестую картину снимаю, она как талисман, — улыбаясь чему-то своему, пояснил режиссер.

— Уж только во Францию ее не тащи, — умоляюще попросил Феликс. — Она ведь только в люксы селится, как Мэрилин Монро.

— Еще как потащу, как же без талисмана, — упрямился Димов. — А вот колодец мне все-таки не нравится. Понимаешь, не может здоровенный рыцарь так просто в него сыграть и моментально помереть. Нет, это не то.

— Ну давай его об дерево шарахнем, убийцу проклятого. Нога не попала в стремя, а лошадь понесла, вот он, бедняга, и треснулся головой, — предложил Феликс, — и насмерть. Только сценарист что скажет? Опять ведь запьет с горя после скандала. Или денег попросит. Да и смонтировано неплохо. Не бережешь пленку. При советах тебя бы за это самого утопили.

— Да пошел он к черту со своими капризами, — отмахнулся Димов. — Деньги получил, чего ерепениться. Не пускайте его больше в студию, пусть себе отдыхает. Ну ладно, пойдём, посмотрим, как сняли чуму.

Воздух над Монпелье был по-прежнему чист и прозрачен. И так же чисто звучал в нем звон колоколов. Переливаясь всеми гаммами и арпеджио, гудел большой колокол соборной церкви Святого Петра,

перекликались с ним малые, все это сливалось в узор пленительных звуков. Но чудесное благозвучие совсем не соответствовало теперь облику прежнего города.

Он не был похож на себя и был ужасен. Грязные улицы заросли сорняками. Дома стояли заколоченные. Магазины и мастерские закрыты, храмы опустели, священники в смятении. Площади завалены обломками обрушившихся стен, вывороченными из мостовой камнями, выломанными рамами окон, разбитыми витринами лавок, разным скарбом, вытащенным из домов и тут же брошенным. Это здоровые еще люди защищались от чумы — строили баррикады. Здесь же валялись раздутые, обезображенные трупы. Рядом лежали истощенные больные, молившие о воде и хлебе. А некоторые, потерявшие всякую надежду на спасение, заворачивались в две простыни и устраивали себе похороны при жизни.

Оставшиеся на ногах держались кучно, отгораживались ото всех возведенными баррикадами на площадях, поближе к фонтану, предпочитая крышам чистое небо, даже рядом со смертью.

Облаченные в долгополые белые балахоны Мишель и его помощники в масках, закрывающих лица, медленно шли по улицам, разбрасывая бурый порошок из кожаных мешков. Подходя к группе людей, раздавая свои пилюли, молодой врач призывал:

— Верьте в спасение, и ваша вера спасет вас!

В глазах измученных людей появлялись проблески надежды. Лицо совсем юной девушки осветил первый луч солнца, она измождена, но врач вселил в нее

надежду на спасение, и она слабо улыбнулась. Еще миг, и она встряхнулась, вскинула голову, значит, не все потеряно. Она медленно встала, другая тоже попыталась подняться, глядя на подругу — и третья...

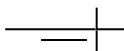
— Верьте, и вера спасет, — повторял врач, одаривая их своими лекарствами. — Это в рот, под язык, — пояснял он.

Ночью, когда уже смолк колокольный звон, Мишель вместе с отцом и помощниками работал в полуподвальном помещении, где стоял огромный стол с ретортами, спиртовками, медными и стеклянными сосудами. На стенах висели пучки прованских трав, издавна известных своими лечебными и магическими свойствами. Мишель изобрел рецепт розовых пилюль и старался снабжать ими больных. По его наблюдениям, все, кто пользовался ими, выздоравливали, кто пренебрегал — умирали. Он был уверен в их эффективности и не скрывал состава своего порошка. Это опилки зеленого кипариса — одна унция, флорентийский ирис — шесть унций, гвоздика — три унции, ароматный аир — три драхмы, алоэ — шесть драхм. Лепестки трех или четырех сотен красных роз, собранных до росы, требовалось тщательно растереть и смешать с порошком, позаботившись о том, чтобы аромат снадобья не выветрился.

Из полученной смеси следовало сделать пилюли, которые пациент должен постоянно держать во рту. Чудесный аромат, по мнению врача, уничтожал гадкий запах и очищал зубы. Чума, считал Нострадамус, передается по воздуху, и, таким образом, чистый воздух сохранял пациенту жизнь.

В некоторых сосудах кипела вода, в них ссыпали истолченное зелье, отмеренное на медицинских весах. По многочисленным песочным часам засекали время.

— Ты напрасно упрекаешь меня, отец, в непоследовательности, — сказал Мишель. — Отвергая религиозные ритуалы в будущем, я прекрасно осознаю их силу и необходимость сегодня. Без веры в чудо исцеление невозможно. Вера дает силы, она окрыляет. Вера — сама большая сила. Поэтому и звонят колокола, а в храмах идут службы. А кроме того, — добавил он, улыбнувшись, — я совсем не хочу, чтобы меня обвинили в использовании черной магии. Все, что я делаю, научно. Но чем больше я пользуюсь именем церкви, тем меньше у невежественных священников поводов обвинить меня в ереси...

— Ну, Димыч, совсем неплохо, — сказал Феликс, закуривая, когда они вышли на свет, — эпоха получается натурально, хотя и павильон. Зря ворчал, а девчонки и вправду как чумные, молодцы гримеры.

— Данет, что-то не так, вернее, не точно. А где фальшь, не врублюсь, — сомневался Димов. — Ведь, с одной стороны, он ученый, медик, естествоиспытатель, а с другой — ясновидящий, мистик. Тонкие миры и все такое... А религия — ну при чем здесь она? Зачем ему ее отвергать или пропагандировать? Ну нелогично это. Хотя, наверное, для того чтобы выжить в Средневековье...

А может, все же лучше так: Мишель — избранник Бога, а ведь все от него. Тогда он и видит глазами Бога, давшего ему ясновидение, тогда он обладает и его блаженством. Про таких сказано: «Тот, кто обладает блаженством Творца, не боится ничего». Любые наши действия совершаются во имя Творца. Но тогда и плоды этих действий мы не должны считать своими. Ведь все деяния не от эгоистичных желаний человека, а от ситуаций, возникающих по воле Божьей. То есть необходимы наши действия, требуемые Богом. Вот он и борется с чумой так, вселяя надежду в людей...

— Ну вечно ты со своими исканиями, себя мучаешь, сценарий переделываешь, что автор-то скажет? — проворчал Феликс. — Опять ведь расскандалится.

— Пусть scandalит, — отмахнулся Димов. — Подумаешь, важность. Надо будет, и все перепишу. Хочу снять вещь, понимаешь, хорошую вещь. Где еще и поразмышлять о вечном, как не здесь, в этой теме. А у него лысовато как-то. Вот и надо бы поискать истину, более тщательно выписать текст, посильнее, выразительнее, что ли, понимаешь...

— Ну ищи, ищи, только уж не чересчур, а то голову сломаешь. Пленки много тратишь на свои импровизации, в советское время давно бы под суд отправили за перерасход. Сегодня триста метров за смену прогнали. Раньше и двадцати хватило бы.

— Ну да, хватило! Раньше все липу в отчетах писали, — возразил Димов, — сам знаешь зачем. А сейчас бояться некого. Все так работают.